

Посмотреть фильм

Музей открыт ежедневно, кроме понедельника и последней пятницы каждого месяца. С 1 апреля по 30 сентября — с 10.00 до 17.00, с 1 октября по 31 марта — с 10.00 до 15.30.

Телефон для справок: 246-94-44

Лев Толстой в Хамовниках

Составитель и автор текста Николай Николаевич Хитайленко. Фотограф Сергей Андреевич Ткаченко. Художник Владимир Андреевич Белан.

Редактор Т.П.Рюхина. Художественный редактор М.П.Чернявская. Технический редактор А.И.Быковская. Корректор Н.И.Коршунова

Подписано в печать 06.06.94. Изд. № 03/060-0062. Формат 70 × 100/32. Бумага мелованная. Гарнитура таймс. Печать офсетная Усл. печ. л. 1,94. Усл. кр.-отг. 8,535. Тираж 30 000 экз. Заказ 1531. С-083

Издательство «Планета». 103031, Москва, Петровка, 8/11

Набрано в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Комитета Российской Федерации по печати. Отпечатано в типографии АО «Внешторгиздат». 127576, Москва, Илимская, 7

Л 4205000000-083
027(01)-94 Без объявл.

© Хитайленко Н. Н., составление и текст, 1994
© Ткаченко С. А., фотографии, 1994
© Белан В. А., художественное оформление, 1994

Москва, «Планета», 1994

Лев Толстой В ХАМОВНИКАХ

*На обложке: Л.Н.Толстой
у окна московского дома.
1899 г.*

*Л.Н.Толстой за работой
в кабинете. Худож. Н.Н.Ге.
1884 г.*

ЛЕВ ТОЛСТОЙ В ХАМОВНИКАХ

«Московская жизнь мне очень много дала, уяснила мне мою деятельность...» — писал Л.Н.Толстой в марте 1882 г. Он много раз бывал и жил в Москве, а с 1881 г. вместе с семьей провел здесь долгие и сложные два десятка лет. Этот период пришелся на зрелые, еще полные творческих сил годы писателя. Он приехал сюда, когда ему было 53 года. В это время Толстой переживал глубокий духовный и мировоззренческий кризис, который уже в Москве завершился выработкой новой системы жизненных ценностей и взглядов.

С переездом из Ясной Поляны в Москву изменились ритм и атмосфера жизни, окружение Толстого. Эти перемены дали новый импульс его духовным и творческим исканиям. И наоборот, те выводы, к которым приходил писатель своим разумом, творческим прозрением, он непременно проверял на себе, стремился сделать фактом собственной жизни. В нем все больше крепло «убеждение в том, что знание истины можно найти только жизнью». Он считал, что «нельзя быть добрым человеку, неправильно живущему».

Отсюда казавшиеся многим необъяснимыми особенности его московского быта, привычки и увлечения, этот образ графа-мужика. И оттого жизнь его не менее интересна, чем творчество. Везде Толстой решал главные вопросы человеческого существования: как быть и жить лучше.

Из истории

Усадьба Толстого расположена в старом московском районе Хамовники. Известные упоминания об этом месте начинаются с первой половины XVII в., когда здесь стали приобретать земли и устраивать пригородные имения богатые и знатные жители Москвы: Хитрово, Голицыны, Мусины-Пушкины, Лопухины, Урусовы. В названиях здешних улиц и переулков до сих пор сохранились фамилии Олсуфьева, Оболенского, купца Пуговишникова. Дом Толстого в своем первоначальном виде был построен, согласно архивным данным, между 1800-м и 1805-м гг., когда усадьбой, значительно большей по размерам, владел князь И. С. Мещерский.

В том же XVII в. на свободные земли этого района (раньше — слободы) переселялись тверские ткачи — сначала для обслуживания нужд Кремля. Позднее Хамовническая слобода стала известным в Москве местом по изготовлению полотен, скатертей, полотенец. Свое назначение район не потерял и ко времени Толстого: напротив его дома располагалась ткацкая фабрика братьев Жиро (сейчас на ее месте шелковый комбинат).

В течение восьми десятилетий XIX в. владение, включающее будущую усадьбу писателя, многократно меняло хозяев. Толстой приобрел дом, а также надворные постройки, расположенные на территории в один гектар, летом 1882 г. у коллежского секретаря И. А. Арнаутова.

С трех сторон усадьбу окружали ткацкая и парфюмерная фабрики, пивоваренный завод и общежития рабочих. «Я живу среди фабрик, — писал Толстой. — Каждое утро в 5 часов слышен один свисток, другой, третий, десятый, дальше и дальше». Такое соседство было интересно и полезно писателю, оно помогало осознавать и решать те вопросы, которые он считал главными для общества и для себя.

И только с одной стороны усадьбы жили знакомые Толстых — Олсуфьевы. С середины 1880-х гг. их имение переходит к известной меценатке В.А.Морозовой. На ее средства здесь была выстроена психиатрическая клиника, которую с благотворительными целями посещали Лев Николаевич и его дети. Эта клиника, как и граничащий с усадьбой пивоваренный завод, сохранились до наших дней.

А за пивоваренным заводом находилось самое, пожалуй, оживленное и притягательное место Хамовников — Девичье поле. С давних пор здесь устраивались празднества, народные гулянья, выступали клоуны, дрессировщики, гимнасты, фокусники, хоры цыган и русских песенников. Толстой часто бывал на Девичьем поле, смотрел представления, покупал детям сладости, общался с простыми людьми.

Переезд

Осень и зиму 1881 г. Толстые впервые всей семьей провели в Москве. Как писал старший сын Сергей Львович, «отец переезжал в город, потому что уже давно обещал матери зимой жить в Москве, но... не мог без ужаса подумать об этом». И все же он согласился. Считается, из-за детей, их воспитания и образования. Но, думается, еще и по какому-то внутреннему ощущению необходимости, неизбежности перемен.

В сентябре Толстые сняли дом в Денежном (район Пречистенки) переулке. По словам жены писателя Софьи Андреевны, он «оказался весь, как карточный, так шумен, и потому ни нам в спальне, ни Левочке в кабинете нет никогда покоя». Шум, а также многочисленные посетители, часто Толстому совершенно чуждые, мешали работе и духовной сосредоточенности. Вообще городская жизнь вызвала поначалу у него резкий протест. 5-го октября 1881 г. он записал

*Дом Толстых
в Хамовниках*

Дом со стороны сада. 1892 г.

в дневнике: «Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву. — Все устраиваются. Когда же начнут жить?.. Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют».

Дом в Хамовниках вошел в жизнь Толстых весной 1882 г., когда Лев Николаевич, узнав о продаже, впервые посетил и осмотрел усадьбу. Как писала Софья Андреевна, «присмотрел он тогда дом Арнаутова с большим садом в Хамовническом переулке, и очень прельстился простором всей усадьбы, более похожей на деревенскую, чем на городскую». 14-го июля была совершена купчая крепость. С этого времени писатель занят хлопотами: надстраивает главный дом, ремонтирует другие строения, покупает и перевозит мебель.

Сергей Львович так описывает происшедшие в жилом доме изменения: «...отец решил сделать к нему пристройку, к чему и приступил немедленно, пригласив архитектора. Нижний этаж и антресоли остались в прежнем виде, а над первым этажом были выстроены три высокие комнаты с паркетными полами...»

В результате перестройки дом получился весьма необычным: непропорциональным, даже угловатым, но своеобразным и запоминающимся. Маленькие окна его длинной стороны смотрят через резной забор в Долгохамовнический переулок (теперь улица Льва Толстого). Противоположная часть, выходящая в сад, более живописна: посередине — терраса с резными балясинами, справа и слева — трехстворчатые окна, наверху — высокие окна парадных комнат. В доме два входа — главный и черный. Как и в Ясной Поляне, здесь нет электричества, водопровода, канализации.

Толстой был очень увлечен обустройством нового жилища. Он писал жене: «За дом я что-то робею перед тобой. Пожалуйста, не будь строга».

8-го октября 1882 г. вся семья переселилась на свою городскую усадьбу. Дочь Татьяна Львовна так описала это событие: «Мы приехали в Арнаутовку вечером. Подъезд был освещен, зала тоже. Обед был накрыт, и на столе фрукты в вазе. Вообще... видно, что папá все обдумал и старался все устроить как можно лучше, чего он вполне достиг». Здесь Толстые прожили до весны 1901 г., каждое лето по-прежнему проводя в Ясной Поляне.

После перестройки в доме стало 16 комнат. Длинные коридоры разделяют надвое и первый и второй этажи. Внизу помещения бытового назначения: столовая, спальня хозяев, комнаты детей, гувернантки и прислуги. Второй этаж, куда ведет покрытая ковровой дорожкой парадная лестница, начинается с просторных комнат для приема гостей. Они резко

Флигель и сарай

*Насыпной холм
в саду*

Отделение сарая

контрастируют с антресолями, оставшимися без изменений со времени основания дома. В этих небольших, темноватых, с низкими потолками помещениях жила средняя дочь Мария Львовна, располагалась прислуга, здесь были кабинет и «рабочая комната» Толстого.

Главный дом окружают строения, окрашенные в такой же цвет темной охры (кроме светлой садовой беседки). Двухэтажный флигель служил разным целям. В комнатах его второго этажа во время ремонта главного дома жил с сыновьями Толстой, позднее они сдавались квартирантам. На первом этаже располагалась так называемая «Контора издания» и жил с семьей конторщик, который помогал жене писателя издавать его книги.

При входе на усадьбу к калитке приткнулась низкая сторожка. Здесь жили два дворника: старший следил за чистотой двора, а младший был «на посылках». Длинное здание сарая делилось на несколько отсеков: в них стояли пролетка и карета,

Столовая

Буфетная

*Дом со стороны
парадного входа*

содержались лошади и корова, хранились хозяйственный инвентарь и дрова. Одно из отделений служило книжным складом. Кухню построили отдельно в том же 1882 году.

Много в жизни Толстых значил сад. По свидетельству Сергея Львовича, отцу «нравилось уединенное положение этого дома и его запущенный сад...» Перед покупкой усадьбы дядя Софьи Андреевны К.А.Иславин писал Льву Николаевичу: «Я опять любовался садом: роз больше, чем в садах Гафиза... Вода — тут же, чуть ли не лучше мытищенской! А воздух, а тишина! И это посреди столичного столпотворения. Нельзя не купить...»

С двух сторон сад ограждался невысоким дощатым забором, с третьей — кирпичной стеной пивоваренного завода; около нее два ряда яблонь образуют аллею, по которой по утрам Толстой возил из колодца в дом воду. В середине сада — насыпной холм, где часто играли дети. Здесь иногда в тишине и уединении работал писатель.

Л.Н.Толстой в кабинете. 1898 г.

Самым оживленным местом была садовая площадка перед домом. В теплое время здесь играли в крокет, зимой катались на коньках. Рядом с флигелем сооружали для детей снежную горку. В садовой беседке весной и осенью пили чай. В 1899 г. писатель правил здесь корректуры романа «Воскресение».

Сохранилось лишь несколько деревьев времени Толстого. Но все новые, тех же пород, высажены на старых местах.

Творчество

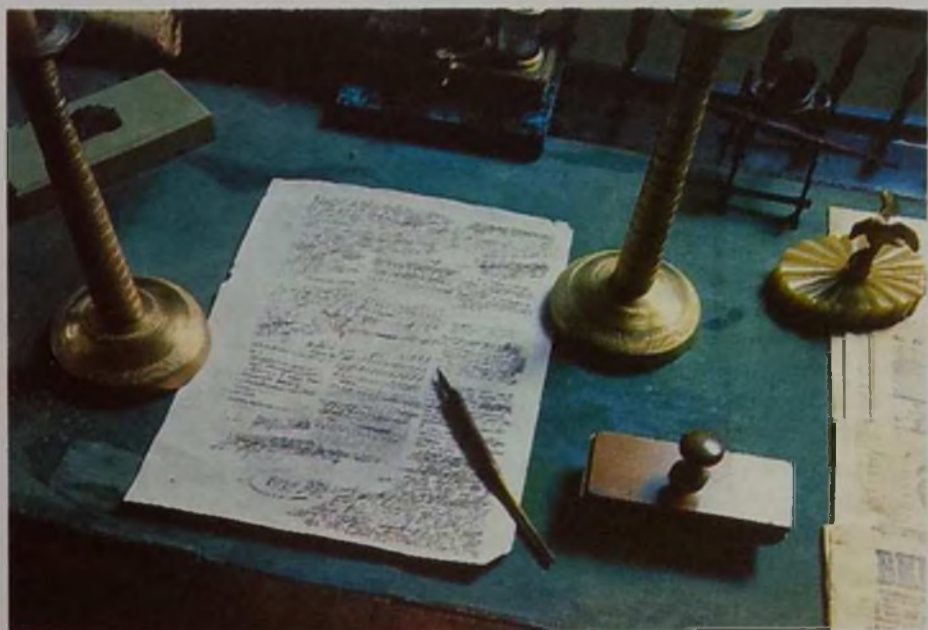
Московский период был для Толстого чрезвычайно насыщенным, плодотворным и вместе с тем своеобразным в творческом отношении. Теперь он наибольшее внимание уделял уяснению и изложению своих новых взглядов. Соответственно преобладающими жанрами

его писательской деятельности стали трактат, статья, обращение — философского, религиозного, публицистического характера.

В своих сочинениях «Соединение и перевод четырех Евангелий», «В чем моя вера?», «Так что же нам делать?», «О жизни», «Царство Божие внутри вас», «Что такое искусство?» он рассказал о том трудном пути, который прошел в понимании истинных ценностей и целей жизни, убежденно и страстно писал о проблемах веры, нравственности, любви, искусства, науки, войны, патриотизма, изложил взгляды на эти важнейшие вопросы величайших мыслителей и подвижников.

К философско-религиозным сочинениям примыкают рассказы («Кающийся грешник», «Где любовь, там и Бог», «Много ли человеку земли нужно» и многие другие), в которых в очень простой по изложению притчевой форме он говорил, по сути, о том же: надо

Фрагмент письменного стола

жить в вере, любви, доброте, труде, ибо это ценности вечные и неотъемлемые, возвышающие внутреннюю сущность человека, избавляющие его от ложных помыслов и действий.

«Я очень занят своей работой,— писал он жене в 1896 г.,— все бьюсь над одним местом о грехах: вчера как будто уяснил, нынче опять все искромсал и спутал. Хочется писать другое, но чувствую, что должен работать над этим... Если кончу, то в награду займусь тем, что начато и хочется».

Характерно, что и его художественные произведения этих лет, те, что писал «в награду» (роман «Воскресение», повести «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната», «Отец Сергей», драмы), более дидактичны и предопределены — по сюжету, главной идее, характерам героев.

В основу его третьего романа «Воскресение» легла история, рассказанная писателю известным судебным деятелем А.Ф.Кони. Судьба человека, который совершил безнравственный поступок, но пережил раскаяние и духовное воскресение, взволновала Толстого, и он «передал» своему герою многое из того, что испытал сам. Вместе с тем по мере развития и разрастания сюжета, писатель, часто используя «авторский голос», высказывал свои известные взгляды на деятельность государственных и церковных институтов, положение простого народа, на земельный вопрос и т. д. Его дневниковая запись 1888 г.: «Писал немного Коневскую повесть. Тяжело от лжи жизни, окружающей меня, и того, что я не могу найти приема, указать им, не оскорбив, их заблужденья».

Процесс писания не был для Толстого чем-то выходящим из обычного ряда жизни. Напротив, в своих статьях и беседах он отмечал естественность для себя этого дела, помогавшего ему решать важнейшие вопросы человеческих взаимоотношений и делиться своими выводами с другими людьми. Он писал, что

«искусство есть одно из проявлений духовной жизни человека...»

Литератор П.А.Сергеенко так описывал работу писателя: «Пишет Лев Николаевич обыкновенно на четвертушках бумаги низкого качества крупным веревочным почерком, исписывая иногда в день по 20 страниц, что составляет более половины печатного листа. Но ни из бумаги, ни из перьев он не делает себе привычек... Работает он преимущественно утром, между девятью и тремя часами...»

В часы сосредоточенной работы Толстой не позволял себе никакого отвлечения и, когда кончалась бумага, продолжал писать на том, что было под рукой: обрывках листов, оборотной стороне писем, счетах и т. п. Старшая дочь Татьяна Львовна вспоминает, как был доволен художник Н.Н.Ге тем, что во время создания портрета писателя Толстой «иногда совсем забывал о его присутствии и иногда шевелил губами, разговаривая сам с собой».

Толстой обладал удивительной работоспособностью и трудился ежедневно и увлеченно. Нередко, присев за письменный стол, чтобы только «поправить» какое-то место, он засиживался на несколько часов. Придирчиво и тщательно работал над каждой страницей, иногда подолгу обдумывая слово, много раз изменяя фразу. «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать все множество раз,— говорил он музыканту и его биографу А.Б.Гольденвейзеру.— Я почти никогда не перечитываю своих уже напечатанных вещей, но если мне попадется случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это все надо переделать, вот как надо было сказать...»

Рабочее место Толстого вполне соответствовало его отношению к творчеству. Младшая дочь Александра Львовна писала: «Кабинет Толстого в Москве был совсем особенный: в самом дальнем углу дома, потолки низкие, можно достать рукой. Мягкая, обитая черной клеенкой мебель — диван, широкие кресла.

*Кабинет писателя.
Диван, стол-пюпитр*

у окна большой письменный стол с резной решеткой с трех сторон. Здесь, в кабинете, тихо, сюда не доходит городской шум, окна выходят в сад, и не доходят крики детей и домашняя суета».

На письменном столе самые необходимые предметы: две ручки вишневого дерева, чернильный малахитовый прибор, деревянное пресс-папье, четыре прессы для бумаг, два бронзовых подсвечника, газеты и папки, на одной из которых рукой жены написано: «папка, с которой Л.Н. ходил во время переписи...» (В 1882 г. писатель участвовал в переписи населения Москвы.)

Даже в темное время Толстой обычно работал только при одной свече. Несмотря на близорукость, никогда не носил очков и гордился этим. Чтобы бумаги ближе находились перед глазами, он подпилил ножки стула. Устав писать сидя за столом, он

переходил к столу-пюпитру, который ставил к окну.

В своих книгах и статьях Толстой откликался на важнейшие явления общественной жизни, часто протестовал и негодовал. В свою очередь власти подвергали его произведения жестокой цензуре, а некоторые просто запрещали. В 1901 г. вышло постановление Святейшего Синода об отлучении Л.Н.Толстого от церкви. Таким образом Синод «наказал» писателя за критику церковных учреждений, которые, по его мнению, искажали истинное понимание религии. Толстой еще раз изложил свои взгляды в статье «Ответ Синоду». Это было последнее произведение, написанное в московском доме.

Взгляды и образ жизни

«Много знаний разных,—записал Толстой в дневнике,—но одно важнее и достовернее всех—знание того, как жить». К постижению этого писатель стремился всегда. Свои первые «правила жизни» он выработал в 18 лет. На рубеже 1870-х—1880-х гг. этот вопрос стал для Толстого важнейшим, определившим его духовные и творческие искания, его дальнейшую жизнь. «...Со мной случился переворот,—писал он в своем первом трактате «Исповедь»,—который давно готовился во мне и задатки которого всегда были во мне».

Свою предыдущую жизнь, литературную славу, семейное положение, благосостояние—все это Толстой теперь оценивал, пытаясь решить один, но главный, по его мнению, вопрос: зачем это, если человек стареет, умирает и превращается в ничто. Возможна ли тут какая-либо высшая целесообразность?

После долгих, мучительных раздумий и переживаний он в конце концов пришел к выводу, что такая целесообразность существует, но найти ее можно не в разумном знании, а в том отношении, которое устанав-

ливаает человек к окружающей его бесконечной жизни, т. е. в вере. «Какие бы и кому бы ни давала ответы какая бы то ни была вера,— писал Толстой,— всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного,—смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью».

*Л. Н. Толстой верхом у ворот
усадьбы. 1898 г.*

*Вид усадьбы зимой. Беседка,
черный вход в дом, кухня*

Этот главный вывод и определил его «философию жизни». С одной стороны, считал Толстой, в каждом человеке живет духовное начало, желание подчинить себя служению истине, Богу — как высшему ее воплощению. С другой — человек рождается животной личностью, стремящейся к достижению непосредственного блага и удовольствия. В этом и состоит драматизм его существования. И одновременно это то пространство, поле борьбы, побед и страданий, где осуществляется его предназначение.

Размышляя о том, как соединить свои новые взгляды с повседневной действительностью, Толстой пришел к пониманию, что «...единственное спасение мое и всякого человека в жизни в том, чтобы жить не для себя, а для других... и что потому человеку в нашем быту, желающему жить хорошо, жить с спокой-

ной совестью и жить радостно, надо не искать каких-нибудь мудреных далеких подвигов, а надо сейчас же, сию минуту действовать, работать, час за часом и день за днем, на то, чтобы изменять ее и идти от дурного к хорошему...»

На практике это осуществлялось в его своеобразной формуле «четырех упряжек»: «...лучше всего бы было чередовать занятия дня так, чтобы упражнять все четыре способности человека и самому производить все те четыре рода блага, которыми пользуются люди.

так, чтобы одна часть дня — первая упряжка — была посвящена тяжелому труду, другая — умственному, третья — ремесленному и четвертая — общению с людьми».

Именно такого распорядка придерживался Толстой все годы московской жизни. Причем особую роль

отводил физической работе, которая «важна тем, что она мешает уму праздно и бесцельно работать».

Он вставал рано, часов в семь, сам убирал свои комнаты (кабинет и рабочую), считая, что использование чужого труда нравственно развращает человека. В согласии с первой «упряжкой» пилил и колол в сарае дрова, носил их в дом и топил печь в рабочей комнате. Затем отправлялся за водой, которую в десятиведерной бочке на санках или тележке привозил из колодца в саду. Иногда он запрягал лошадь и ездил к водокачке на Крымскую площадь.

«Ремесленным» увлечением Толстого стало с 1884 г. шитье обуви. Занимался он этим в рабочей

комнате. Сын Илья Львович писал: «Не знаю откуда, он разыскал себе сапожника... накупил инструментов, товару... устроил себе верстак... Сгорбившись над верстаком, он старательно готовил конец, всучивал щетинку, ломал ее, начинал сначала, кряхтел от напряжения и, как ученик, радовался всякому успеху».

*Умывальник
в рабочей комнате
писателя*

*Велосипед
Л.Н.Толстого*

Вскоре Толстой освоил это ремесло. На столе его рабочей комнаты и сейчас стоят сапоги и штиблеты, сшитые им для будущего зятя М.С.Сухотина и поэта А.А.Фета.

О других занятиях Толстого свидетельствуют сохранившиеся в его доме гантели — с ними он упражнялся ежедневно, чтобы «не давать ослабнуть» мускулам, и велосипед, на который он впервые сел в 67-летнем возрасте. Зимой он заливал каток в хамовническом саду и катался на коньках вместе с детьми. Ежедневно совершал длительные прогулки — пешком или верхом на лошади. П.А.Сергеенко писал: «Верхом Л.Н. ездил мастерски и севши на лошадь как

*Дорожная шуба
писателя*

*Сапожные
инструменты
и обувь, сшитая
Л.Н.Толстым*

бы преображался, делался моложе, бодрее, физически крепче».

Отдавая дань некоторым увлечениям, Толстой в целом вел крайне умеренную жизнь, ограничивая себя во всем. Так, с 1880-х гг. он отказался от спиртного, курения и мясной пищи, став вегетарианцем. Старался не употреблять молока, яиц, белого хлеба, натуральный кофе заменил на ячменный и овсяный. Желая быть ближе к народу, Толстой носил теперь самую простую

*Л.Н.Толстой на коньках
в саду усадьбы. 1898 г.*

одежду и обувь: холщовые и полотняные блузы, сапоги и валенки.

Пытаясь привести свою жизнь в максимально возможное соответствие с новыми взглядами и убеждениями, писатель по-прежнему испытывал сомнения и колебания, однако в главной своей цели был последователен. Он писал: «Вчера думал: Служить людям? но

как, чем служить? Не деньгами, не услугами телесными даже: расчистить каток, сшить сапоги, вымыть белье, посидеть ночь за больным. Все это и хорошо, может быть и лучше, чем делать это для себя, но может быть и дурно и, в сущности, бесполезно. Одно полезно, одно нужно — это научить его жить добро. А как это сделать? Одно средство: самому жить хорошо».

Жена

В Москву семья переехала по настоянию Софьи Андреевны Толстой. Как пишет Сергей Львович, «мать страстно стремилась переехать...» В Москве Софья Андреевна провела свои первые 18 лет. В кремлевской церкви Рождества Богородицы венчалась с 34-летним Толстым.

Два десятилетия жизни в Ясной Поляне Софья Андреевна полностью отдала семье: заботе о муже, помощи в его литературном труде, благоустройству дома, воспитанию детей. Любовь ко всему этому осталась с ней на всю жизнь. Но с течением времени ее натура, сильная и незаурядная, все меньше удовлетворялась одними семейными заботами, требовала расширения поля деятельности. В Ясной Поляне такой возможности не было. Позднее Софья Андреевна записала в дневнике: «Нет, я не создана была для уединения, и это подавило все мои душевные силы».

Она быстро открыла для себя, что муж ее — личность необыкновенная, намного ее превосходящая, и, что самое главное и обидное, у него есть свой таинственный, неподвластный ей мир, скрытая от нее духовная и творческая жизнь. Человек страстный, импульсивный и властный, Софья Андреевна никогда не могла с этим примириться: «Я воображала... что этот человек будет всегда у меня на глазах, что я буду знать малейшую его мысль, чувство, что он будет во всю жизнь любить меня одну...»

*С.А.Толстая
в спальне.
1898 г.*

С присущей ей категоричностью она позднее писала мужу: «Да, мы на разных дорогах с детства: ты любишь деревню, народ, любишь крестьянских детей, любишь всю эту первобытную жизнь, из которой, женясь на мне, ты вышел. Я — городская, и, как бы я ни рассуждала и ни стремилась любить деревню и народ, любить я это всем своим существом не могу и не буду никогда».

Переезд в Москву открыл новый этап семейной жизни и взаимоотношений Толстых. В 1882 г. Софья Андреевна записала в дневнике: «Жизнь наша в Москве была бы очень хороша, если б Левочка не был так несчастлив в Москве». Но сама она наконец-то получила возможность реализовать свою богатую натуру и несомненно пережила душевный подъем: писала повести, детские рассказы, очерки, сочиняла стихи, занималась музыкой и живописью, продолжила свои заня-

тия фотографий, читала труды по философии. Она с удовольствием бывала в обществе, на балах. Ката-лась с детьми на городском катке и радовалась тому впечатлению, которое производила на окружающих: «Публика, признав нас, с недоумением смотрела на меня, мать 8-ми детей, окруженную часто всеми 7-ью, и летающую по льду, как 17-тилетняя девочка».

Несмотря на это, главной ее заботой по-прежнему оставалось домашнее хозяйство. И.Е.Репин писал о ней: «Высокая, стройная, красивая, полная женщина с черными энергичными глазами, она вечно в хлопотах, всегда за делом. Большое, сложное хозяйство целого имения почти все на ее руках. Вся издательская работа трудов мужа, корректуры, типографии, денежные расчеты — все в ее исключительном ведении. Детей она обшивает сама... всегда бодрая, веселая, графиня нисколько не тяготится трудом...»

Софья Андреевна стремилась к уюту, красоте, и в спальне Толстых всегда было много цветов, особенно любимых ею гиацинтов. Здесь же находятся предметы, которые, пожалуй, больше других характеризуют жизнь и деятельность хозяйки дома: стол-бюро красного дерева — за ним она еще в Ясной Поляне перебеляла черновики романов «Война и мир» и «Анна Каренина», а затем продолжала такую же работу в Москве, и рукодельный столик, за которым связаны и вышиты многие вещи в доме, в том числе покрывало на кровати мужа.

И все же ее душевное равновесие определялось, прежде всего, взаимоотношениями в семье. Софья Андреевна страстно, даже несколько болезненно относилась к Толстому и детям. Ее обижало сознание того, что муж, дочь Маша духовно отдалялись от нее, жили новыми, чуждыми ей мыслями и желаниями. Призывы Льва Николаевича изменить образ жизни семьи, отказаться от собственности, предметов роскоши, прислуги, сосредоточить все усилия на духовном, нравственном самоусовершенствовании считала слишком отвле-

Стол-бюро С.А.Толстой

ченными и неосуществимыми. Она писала: «Я не могу не относиться с самым искренним сочувствием ко всем тем нравственным правилам, которые поставил сам себе и другим Левочка. Но я не вижу и не нахожу возможности провести их в жизни. На полдороге останавливаться я не могу, это не в моем характере; идти до конца — сил нет».

Постепенно обстановка в семье накалялась, нередко происходили ссоры. Дочь Татьяна Львовна писала: «Ни тот, ни другая ни в чем не уступали. Оба защищали нечто более дорогое для каждого, нежели жизнь: она — благосостояние своих детей, их счастье, — как она его понимала; он — свою душу».

И хотя внутреннее расхождение росло, глубокая привязанность, любовь к детям поддерживали надежду, что все исправится и жизнь пойдет по-прежнему. «...Я люблю его такого, нормального, слабого в привычках и доброго», — записала в дневнике Софья Андреевна. «Я часто раздражался на нее за ее скорый необдуманный нрав, но, как говорил Фет, у каждого мужа

та жена, которая нужна для него», — писал Лев Николаевич.

В тех случаях, когда Софья Андреевна одобряла действия мужа, она была ему верным другом и помощницей. Так она очень активно поддержала его усилия по спасению голодавших крестьян центральных губерний России; по-прежнему помогала ему и в писательской работе, замечая: «Только что перепишешь все — опять перемарает, и опять снова». Но уже далеко не столь послушно соглашалась с написанным: «...я не могу полюбить эти не художественные, а тенденциозные и религиозные статьи: они меня оскорбляют и разрушают во мне что-то, производя бесплодную тревогу».

В 1880-е годы Софья Андреевна стала сама издавать произведения мужа, пополняя таким образом семейный бюджет. Толстой осуждал эту ее деятельность: «Не понимает она, и не понимают дети, расходуя деньги, что каждый рубль, проживаемый ими и наживаемый книгами, есть страдание, позор мой». В 1891 г. он отказался от прав собственности на свои произведения, написанные после 1881 г., и больше семья не получала денег от их издания.

Были периоды, когда Толстой сближался с женой. В 1895 г. он писал в дневнике: «У ней я один, за которого она держится, и в глубине души она боится, что я не люблю ее... и что причина этого наша разница взглядов на жизнь... Не думай этого. Еще больше люблю тебя, всю понимаю и знаю, что ты не могла, не могла придти ко мне, и от того осталась одинока. Но ты не одинока. Я с тобой, с такою, какая ты есть...»

И все же финал их взаимоотношений трагичен. В 1897 г. Толстой написал жене письмо, которое ей передали только 13 лет спустя, уже после его смерти. Собираясь тогда покинуть семью, он подвел в нем итог их совместной жизни: «То, что я ушел от тебя, не доказывает того, чтобы я был недоволен тобой... И потому я не осуждаю тебя, а напротив, с любовью и благо-

*С.А.Толстая с родными
в столовой дома. 1895 г.*

дарностью вспоминаю длинные 35 лет нашей жизни, в особенности первую половину этого времени... Но в последнем периоде нашей жизни, последние 15 лет мы разошлись. Я не могу думать, что я виноват, потому что знаю, что изменился я не для себя, не для людей, а потому что не могу иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и с любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мне».

Дети

За свою долгую и сложную жизнь Софья Андреевна родила 13 детей. Большинство грудных она кормила сама. Семья перенесла 5 детских смертей.

Когда Толстые переехали в Москву, у них было семеро детей: дочери Татьяна (17 лет) и Мария (10), сы-

новья Сергей (18), Илья (15), Лев (12), Андрей (4), Михаил (2). В Москве родились два мальчика: Алексей и Иван, прожившие всего 5 и 7 лет. В 1884 г. появилась дочь Александра, которая прожила дольше всех, до 1979 г.

Старший сын Сергей Львович так описал это время: «...я смотрел на переезд и поступление в университет, как на давно желанное и естественное следствие окончания мною гимназического курса, а сестра Таня мечтала о «выездах в свет» и предполагала учиться живописи, к которой у нее уже тогда обнаружились большие способности. Наоборот, Илья боялся гимназии, и ему жаль было лишиться в осеннее время охоты, к которой он пристрастился».

Сергей Львович, по отзывам сестры Александры Львовны, был «честен и прямолинеен... не показывал своих чувств, стыдился их, но близкие, любящие его знали, что под внешней суровостью этого широкоплечего, некрасивого, иногда даже грубого человека, скрываются добрые, порой нежные чувства». Сам он писал: «...я метался из стороны в сторону: от светского общества к обществу радикальной интеллигенции, от христианских воззрений отца к атеистическим научным взглядам, от упрощения жизни к удовольствиям...»

В 1880-е гг. между ним и отцом случались идейные споры. Об их характере говорит дневниковая запись Л.Н.Толстого: «Разговор с Сережей. Он без причины сделал грубость. Я огорчился и выговорил ему все. И буржуазность, и тупость, и злость, и самодовольство. Он вдруг заговорил о том, что его не любят, и заплакал. Боже, как мне больно стало. Целый день ходил и после обеда поймал Сережу и сказал ему: «Мне известно...» Он вдруг зарыдал, стал целовать и говорить: «Прости, прости меня». Давно я не испытывал ничего подобного. Вот счастье».

Сергей Львович профессионально занимался музыкой, преподавал в музыкальных учреждениях. В хатовническом доме сохранился рояль, на котором он

*Кожаная рама
с фотографиями
членов семьи.
1892 г.*

играл. Здесь же висит портрет его первой жены Марии Константиновны, написанный Татьяной Львовной Толстой.

Со старшей дочерью у Толстого сложились более близкие и доверительные отношения. Талантливая, жизнелюбивая, привлекательная Татьяна Львовна во второй половине 1880-х гг. сократила свои выезды в свет и стала больше сочувствовать отцу. Несмотря на то, что «опрощение давалось ей с трудом», она отличалась искренностью и прямоотой, не лукавила в своих увлечениях и исполнении взятых на себя обязанностей. Любимая дочь матери, она была близка и к отцу, поддерживая их в минуты непонимания или несогласия.

Татьяна Львовна занималась в Школе живописи, ваяния и зодчества, была талантливой портретисткой.

Комната старших сыновей

Она создала портреты отца, родных и друзей, известных деятелей русской культуры. Ее способности отмечал И.Е.Репин: «...не бросайте живописи. Голова Марии Львовны и другие этюды Ваши представляют такое уже большое умение, которому позавидуют многие из профессиональных художников».

В комнате гостеприимной и общительной Татьяны Львовны часто собирались братья и сестры, сюда приходили друзья и знакомые. В память об этих встречах сохранилась черная скатерть с автографами. Члены семьи и гости расписывались на ней мелом, а Татьяна Львовна вышивала эти подписи шелковыми или шерстяными нитками.

Судьбы двух братьев, Ильи и Льва, сближало то, что оба они выросли в ту пору, когда резко изменилась обстановка в семье, и то, что принималось и ут-

И.Л.Толстой. 1888 г.

С.Л.Толстой. 1884 г.

верждалось матерью, отрицалось отцом. Илья Львович в своих воспоминаниях признавался: «Я стал брать и от отца и от матери только то, что мне было выгодно и нравилось, и откидывать то, что мне казалось тяжелым». Но он же писал и другое: «Громадная сила отца как воспитателя заключалась в том, что от него, как от своей совести, прятаться было нельзя.

Он все знал, и обманывать его было то же самое, что обманывать себя. Это было тяжело и невыгодно».

Лев Львович одно время очень критически относился к взглядам отца, осуждал его в своих писаниях. Толстой принимал все это без возмущения: «Лева-сын приучает меня к доброте, несмотря на причиняемую боль своими глупыми, бездарными и бестактными писаниями».

Отрадой Толстого была его средняя дочь Мария Львовна. Ее сестра Александра Львовна писала: «Маша шла за отцом: она отказалась от своей части

в разделе (*имущества*), она горела самоотречением и жертвенностью, убивала в себе плоть, спала на досках, покрытых тонким войлоком, вегетарианствовала и работала с утра до вечера... вечерами Маша сидела и своим мелким аккуратным почерком переписывала рукописи отца».

Не меньше практической помощи значила для Толстого духовная близость с дочерью. Илья Львович писал: «Она сердцем почувствовала одиночество отца, и она первая из всех нас отшатнулась от общества своих сверстников и незаметно, но твердо и определенно перешла на его сторону».

Л.Н.Толстой с особенной любовью и нежностью относился к дочери. Он отметил в дневнике: «Маша дорогого стоит, серьезна, умна, добра. <...> Имея такого друга, я смею еще жаловаться».

Мария Львовна умерла в 1906 г. от воспаления легких. Когда доктор сообщил Толстому, что его дочь

Комната Т.Л.Толстой

*Т.Л.Толстая. Худож.
И.Е.Репин. 1891 г.*

в безнадежном положении, тот с глубокой горечью сказал: «Ведь она была мне другом».

Много хлопот доставляли два сына — Андрей и Михаил. Оба плохо учились, были музыкальны, но не усердны. Их сестра Александра Львовна вспоминала, как «...Миша и Андрюша... каждое утро будились со скандалом, ругали лакея, почтительно раскачивавшего их за плечи: «Извольте вставать, девятый час, опять в гимназию опоздаете!»

Сам Толстой замечал: «Положение наших детей очень дурно: нравственного авторитета нет никакого. Соня разрушает старательно мой, а на место его ставит свои... требования приличия, выше которых им легко стать».

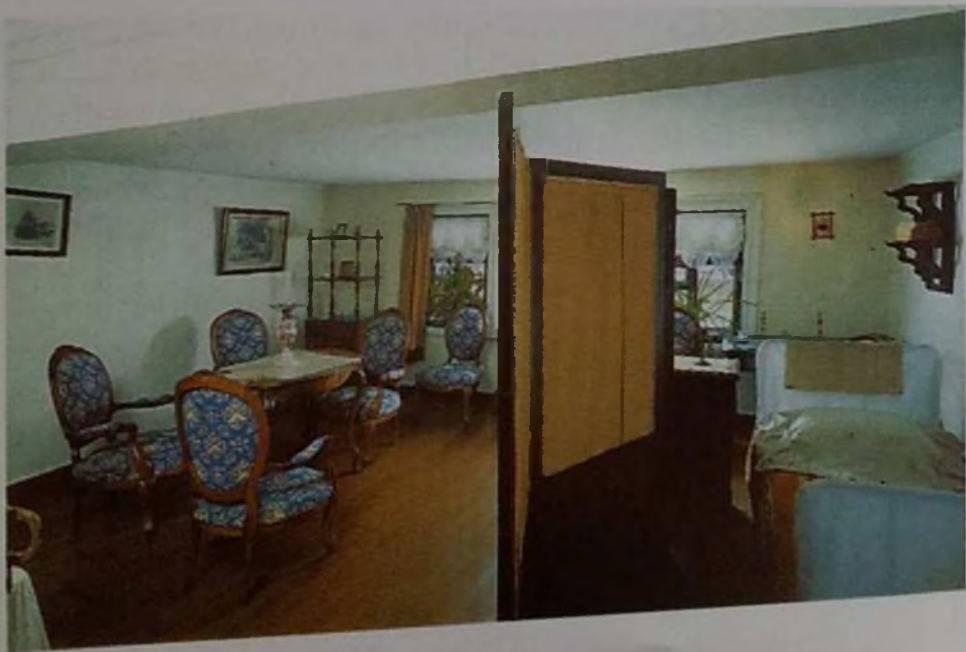
Младшая дочь Александра, порывистая, вспыльчивая, по-мальчишески резвая, иногда грубая, поначалу вызывала всеобщее беспокойство. Мать не могла примириться с ее характером и поведением, а позднее

М.Л.Толстая. Худож.
Т.Л.Толстая. 1893 г.

Комната М.Л.Толстой

Т.Л.Толстая с братьями
Андреем и Михаилом. 1884 г.

у них и вовсе сложились недружественные отношения. Отец тоже не сразу сблизился с дочерью, зато потом они стали верными друзьями.

Большой след в семье оставил последний из детей — сын Иван, которого все звали Ванечкой. Талантливый, чуткий, сердечный, «с такой душой, любви которой хватало на весь мир», мальчик притягивал всех своей лаской и нежностью. Его мать писала: «Ванечка из всех детей был больше всех лицом похож на отца. Те же глубокие, вдумчивые и светлые глаза, та же серьезность духовного внутреннего содержания».

Чувствовавший духовную близость с сыном, Толстой надеялся, что именно он продолжит дело его жизни. Но надежды не сбылись: Ваня умер от скарлатины, не дожив месяца до семи лет. Отчаяние Софьи Андреевны было столь велико, что боялись за ее рассудок. Лев Николаевич, по словам жены, «согнулся совсем, постарел», однако воспринял эту трагедию с прису-

*Стол для занятий Андрея
и Михаила*

шим ему философско-религиозным смирением: «Смерть детей с объективной точки зрения: Природа пробует давать лучших и, видя, что мир еще не готов для них, берет их назад. Но пробовать она должна, чтобы идти вперед». Хотя вскоре признался: «В первый раз в жизни я чувствую безвыходность».

В целом же отношения Толстого с детьми были очень не простыми. Он писал в дневнике: «Очень тяжело в семье. Тяжело, что не могу сочувствовать им. Все их радости, экзамен, успехи света, музыка, обстановка, покупки, все это считаю несчастьем и злом для них и не могу этого сказать им. Я могу, я и говорю, но мои слова не захватывают никого».

*С.А.Толстая с детьми Андреем,
Михаилом, Александрой,
Ванечкой. 1892 г.*

Стол Ванечки

Комната Ванечки

И все же, несмотря на разногласия, непонимание, противоборства, утраты, семья много лет жила одним домом. И вся материальная сторона ее существования, забота о здоровье и благополучии родных держались на Софье Андреевне. Это был ее мир, который она создала и которым так дорожила.

Гости

Оказавшись в Москве, в центре русской общественной жизни, Толстой неизбежно стал ее участником, а его дом — местом паломничества. Гости со всего мира буквально осаждали писателя.

Переносить постоянное присутствие чужих было нелегко. По сути, Толстые были лишены нормальной семейной жизни. Они жили на виду у всех, как писала дочь Александра Львовна, «под стеклянным колпаком». Но писатель говорил: «Если я нужен людям, я не имею права их не принимать».

И действительно, попасть в дом было нетрудно. Критик В.В.Стасов так описал свой приход: «Никакой прислуги, ни малейшей, не было в передней, да и не нужно, потому что дверь на улицу весь день открыта, и всякий приходит и уходит, когда хочет и как хочет...»

Официально Толстые принимали сначала по четвергам, потом по субботам. По словам Софьи Андреевны, «Лев Николаевич никогда не присутствовал на этих приемах, и только изредка заходил ко мне в гостиную, если кто из посетителей или дам его интересовал». Сам он писал: «Это часто бывает, — что жизнь, деятельность, разговоры, в особенности веселье и шутки, это приправы к тому существенному, чего нет».

Совсем иной была атмосфера, когда приходили интересные, творческие люди — писатели, художники, музыканты, ученые. Особенно часто в зале московского дома звучала музыка. Здесь играли А.Н.Скрябин, С.В.Рахманинов, Н.А.Римский-Корсаков, А.С.Аренский, С.И.Танеев и др. Однажды в гости к Толстому пришли С.В.Рахманинов и Ф.И.Шаляпин. Концертный репертуар знаменитого певца не особенно понравился писателю, но когда тот пел народную песню «Ноченька», Лев Николаевич с удовольствием его слушал и заметил, что он «поет эту песню по-народному, без вычурности и подделки под народный стиль».

Очевидцы рассказывали, какое сильное влияние

«Большой чай» в зале.
6 апреля 1898 г.

оказывала на Толстого музыка. На лице его появлялось особенное выражение: он бледнел, взгляд устремлялся вдаль и очень часто не мог сдержать выступавших слез. Его любимые композиторы — Шопен, Гайдн, Моцарт. Близка ему была русская народная и цыганская музыка.

Сложнее было его отношение к Бетховену. А.Б.Гольденвейзер писал: «Бетховен властно захватывал Льва Николаевича своей индивидуальностью, и это сердило его. Он не любил покоряться».

В хамовническом доме бывали художники И.Е.Репин, Н.Н.Ге, В.А.Серов, И.М.Прянишников, Н.А.Ярошенко, Г.Г.Мясоедов, А.М.Васнецов, В.Е.Маковский, В.Д.Поленов, Л.О.Пастернак и др. Здесь написаны портреты жены, дочерей, самого Толстого в его рабочем кабинете.

Парадная лестница

*Скатерть
с автографами
гостей*

*Шахматы
Л.Н.Толстого*

Часть зала

Лев Николаевич с живейшим участием говорил об искусстве, высказывая при этом свои взгляды на важнейшие вопросы жизни. Художник Н.К.Рерих писал, что, когда он показал Толстому репродукцию своей картины «Гонец», на которой человек переправляется через реку, тот заметил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все снесет».

Особенно любил Толстой художника Н.Н.Ге, своего единомышленника по взглядам и образу жизни. После его смерти Толстой записал в дневнике: «Не пишутся слова: смерть Ге... Это был прелестный, гениальный старый ребенок... Я никогда не думал, что я так сильно любил его».

Бюст писателя работы Н.Н.Ге стоит в зале московского дома. «Этим бюстом я бросил перчатку скульпторам, которые не догадались сделать бюст Толстого», — писал художник.

В гостях у Толстого были, конечно, все известные писатели того времени: А.П.Чехов, А.М.Горький, Н.С.Лесков, А.Н.Островский, Д.В.Григорovich, В.М.Гаршин, И.А.Бунин, В.Г.Короленко и др. Горький, впервые посетивший Толстого в 1900-м году, писал потом

Большая гостиная

Чехову: «Смотришь на него, и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым».

Вечером в зале устраивали так называемый «большой чай». С шумящим самоваром управлялись Софья Андреевна или кто-то из дочерей. После чая нередко переходили к овальному столику, где читали вслух произведения разных авторов, иногда — рукописи Толстого. «Читает, — вспоминал И.Е.Репин, — большею частью, сам Лев Николаевич, читает он хорошо».

Здесь же Толстой проводил время за шахматной доской. Стиль его игры неизменно был атакующим, острым. Он не боялся рисковать и постоянно стремился к напряженной борьбе, предпочитая играть с более сильным соперником. Одновременно Толстой постигал

психологию людей. Верный своим взглядам, он сетовал, что шахматы причиняют боль ближнему и вызывают дурные чувства к противнику.

Толстой всегда оставался главным участником, центром встреч в Хамовниках. Этому способствовали простота и вместе с тем изящество его поведения, присущая ему духовная и нравственная сила, глубинная правда его личной жизни. Он всегда оставался самим собой, открытым и честным в своих суждениях и оценках. Люди ценили его слово, потому что он говорил то, что думал, и старался делать то, что говорил.

И.Е.Репин писал: «Лев Николаевич Толстой как грандиозная личность обладает поразительным свойством создавать в окружающих людях свое особое настроение. Где бы он ни появился, тотчас выступает во всеоружии нравственный мир человека, и нет более места никаким низменным житейским интересам».

Расставание с домом. Музей

Прожив 19 зим в хамовническом доме, писатель покинул его весной 1901 г. Лишь за год до смерти, в сентябре 1909 г., он побывал здесь проездом в подмосковное имение, где жил друг и единомышленник В.Г.Чертков.

Городская жизнь по-прежнему интересовала Толстого, он совершил прогулку по городу. А.Б.Гольденвейзер писал: «Лев Николаевич давно не был в Москве, и все его в ней поразило: высокие дома, трамваи, движение. Он с ужасом смотрел на этот огромный людской муравейник».

Пребывание Толстого в Москве стало событием. В день его отъезда в Ясную Поляну на Курском вокзале собралось множество людей, чтобы проводить писателя. Лев Николаевич подошел к окну вагона, но говорить не смог — слезы прервали его речь.

Через год после смерти мужа С.А.Толстая продала усадьбу Московской городской управе. Городские влас-

ти приобрели дом с обстановкой только кабинета и рабочей комнаты, а также кровать и тумбочку писателя.

15 ноября 1911 г., после подписания документа у нотариуса, С.А.Толстая устроила в хамовническом доме последний вечер для друзей семьи. Секретарь Л.Н.Толстого В.Ф.Булгаков писал: «И было грустно на вечере, щемило сердце, и все повторяли эти два слова: «последний вечер». А.Н.Дунаев... все вспоминал прошлое, показывал места, где сидел, стоял Лев Николаевич, двери, через которые он входил и выходил, и несколько раз повторил фразу: «И вот я говорю... история эта, происходившая здесь, кончилась, и никогда на свете,— он подчеркивал каждое слово,— она более не повторится».

И все же С.А.Толстая надеялась на лучшее будущее московской усадьбы. Она подробно описала обстановку каждой комнаты дома. Часть вещей перевезла в Ясную Поляну. Остальные хранились на складах в Москве. Незадолго до смерти (умерла в 1919 г.) С.А.Толстая распорядилась о передаче всего хранившегося на складах имущества Толстовскому обществу.

В 1920 г. был издан декрет о национализации усадьбы Льва Толстого в Москве. Начались работы по реставрации построек и восстановлению в прежнем виде обстановки дома. Уже в ноябре 1921 г. состоялось открытие музея, на котором были старшие дети Толстых — Сергей Львович и Татьяна Львовна. Очевидцы рассказывали об их впечатлении: «Кажется, папá и мамá только на минуту вышли отсюда».

Московский дом хранит драгоценнейшие свидетельства той жизни — предметы, окружавшие писателя и членов его семьи. Их почти 5 тысяч. Сегодня эти вещи — музейные экспонаты. А усадьба — филиал Государственного музея Л.Н.Толстого.

*Отъезд Л.Н.Толстого из
московского дома. 1909 г.*

*Проводы Л.Н. Толстого на
Курском вокзале. 1909 г.*